

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178

Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства

Елена Викторовна Марковичева

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
markovicheva@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Современное уголовное судопроизводство трансформируется под влиянием глобального тренда на цифровизацию как публичных институтов, так и системы доступа к государственным услугам для граждан. Хотя специфика уголовного процесса закономерно тормозит скорость его информатизации, на уровне нормативного регулирования и правоприменительной практики в рамках обозначенного тренда все чаще предлагаются решения, качественно преобразующие деятельность органов предварительного расследования и суда. Такие изменения затрагивают права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, но система их гарантий, обладая определенной универсальностью, недостаточно адаптирована к более активному использованию информационных технологий правоприменителями.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую базу исследования составили научные работы российских и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам цифровизации судебной деятельности, использования электронных доказательств, дистанционного проведения следственных действий, использования прикладных интеллектуальных систем и технологий, а также обеспечения прав участников процесса. Выводы относительно эффективности системы правового регулирования исследуемых в статье вопросов сделаны с применением формально-юридического, сравнительно-правового и общенаучных методов исследования.

Результаты исследования. В статье предлагаются некоторые подходы к теоретическому переосмыслению и нормативному преобразованию системы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов участников процесса в условиях более активного использования в следственной и судебной деятельности цифровых технологий.

Обсуждение и заключение. Универсализм созданной системы уголовно-процессуальных гарантий в условиях последовательной цифровизации судопроизводства может превратиться из достоинства данной системы в ее недостаток, не отвечая потребностям в обеспечении прав отдельных участников процесса в условиях многообразия правоприменительных ситуаций в сочетании с техническими ограничениями. Предлагается изменение доктринальных и правоприменительных подходов к гарантированию прав отдельных субъектов в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: суд, уголовный процесс, процессуальные гарантии, права и законные интересы, информационные технологии, дистанционные процессуальные действия

Для цитирования: Марковичева Е. В. Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 162–178. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178.

Original article

The Impact of Information Technology on the System of Guarantees of Rights and Legitimate Interests of Participants in Criminal Proceedings

Elena V. Markovicheva

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
markovicheva@yandex.ru*

Abstract

Introduction. Modern criminal proceedings are undergoing changes under the influence of the global end towards digitalization of both institutions and the system of access to public services for citizens. Although the specifics of the criminal process naturally slow down the speed its informatization, at the level of normative regulation and law enforcement practice, within the framework of the designated trend, solutions are increasingly being proposed that qualitatively transform the activities of preliminary investigation bodies and the court. Such changes affect the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, but the system of their guarantees, while possessing a certain universality, is not sufficiently adapted to the more active use of information technology by law enforcement officers.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was made up of scientific works of Russian and foreign scientists devoted to various aspects of digitalization of judicial activity, use of electronic evidence, remote investigative actions, use of applied intelligent systems and effectiveness of the legal regulation system of the issues studied in the article were made using formal-legal, comparative-legal and general scientific research methods.

Results. The article proposes several approaches to the theoretical rethinking and normative transformation of the system of criminal procedural guarantees of the rights and legitimate interests of participants in the process in the context of more active use of digital technologies in investigative and judicial activities.

Discussion and Conclusion. The universalism of the present system of criminal procedural guarantees may become a disadvantage rather than an advantage in the context of consistent digitalization of legal proceedings, not meeting the needs to ensure the rights of individual participants in the process in the context of a variety of law enforcement situations combined with technical limitations. The author proposes a change in doctrinal and law enforcement approaches to guaranteeing the rights of individual subjects in the context of digitalization of criminal proceedings.

Keywords: court, criminal process, procedural guarantees, rights and legitimate interests, information technology, remote procedural actions

For citation: Markovicheva, E. V. The impact of information technology on the system of guarantees of rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):162-178. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178.

Введение

В последнее десятилетие одним из основных направлений развития общественных отношений стали активное использование информационных технологий в деятельности государственных органов и цифровизация взаимодействия граждан с публичными институтами. Этот тренд наблюдается в большинстве государств и затрагивает в той или иной степени деятельность правоохранительных органов и судебной системы. С одной стороны, это связано с потребностью обеспечить качественно иной уровень реализации права граждан на доступ к правосудию и оптимизировать бюджетные ресурсы, затрачиваемые на функционирование судебной системы, т. е. с реализацией концепции процессуальной экономии. С другой стороны, использование подобных технологий при расследовании и рассмотрении уголовных дел обусловлено изменениями характеристик современной преступности, которая все активнее встраивается в информационную среду, а раскрытие и расследование преступлений часто опираются на так называемые цифровые доказательства и достижения в области распознавания лиц.

Информатизация судопроизводства в рамках концептуальных программных векторов развития судебной системы началась в России двадцать лет назад, когда создавалась Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», функционирующая с осени 2006 г.

Отметим, что особенности уголовно-процессуальных правоотношений изначально тормозили активное проникновение информационных технологий в досудебное и судебное производство по уголовным делам. Защита публичных интересов в сочетании с принуждением, сложный субъектный состав таких правоотношений закономерно не позволяют рассматривать уголовное правосудие как государственную услугу в цифровом формате, хотя в контексте общих вопросов преобразования судебной деятельности этот вопрос обсуждался на национальном и международном уровнях [1]. Не только Россия, но и многие другие государства сталкиваются с циф-

ровыми вызовами, которые могут быть как потенциально полезными, так и потенциально опасными для общества и государственных институтов. Поскольку игнорировать цифровые вызовы системе уголовного судопроизводства уже не удастся, в рамках национальных правовых систем оформляются различные подходы к применению современных технических возможностей в решении тех или иных прикладных задач в рамках отправления правосудия. Например, показательным в данном плане является опыт Республики Казахстан, решающей сложную задачу комплексной цифровизации движения уголовного дела.

В рамках такого тренда на определенном этапе развития отечественного уголовного процесса началась достаточно активная законотворческая деятельность по «цифровому преобразованию» действующей нормативной системы его правового регулирования.

В итоге в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) появились нормы, регламентирующие: в 2012 г. – хранение электронных носителей информации как вида вещественных доказательств; в 2016 г. – использование электронных документов в уголовном судопроизводстве, а также возможность осмотра и выемки электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений; в 2018 г. – порядок работы с электронными носителями информации при производстве следственных действий и аудиопотоколирование судебных заседаний; в 2021 г. – особенности дистанционного производства допроса, очной ставки и опознания; в 2022 г. – дистанционное участие в судебном заседании; в 2023 г. – получение участниками процесса по их ходатайству копии обвинительного заключения в форме электронного документа.

Ускорение процесса информатизации уголовного судопроизводства исследователи обоснованно связывают с пандемией COVID-19, когда обеспечение значимых публичных интересов в области эпидемиологической безопасности вступило в противоречие с другими публичными интересами, связанными с открытостью и доступностью правосудия, законностью производства следственных и судебных действий [2, с. 5].

Тем не менее информатизация уголовного процесса по-прежнему носит ограниченный характер, что связано с причинами и процессуального, и непроцессуального характера. Первые обусловлены отсутствием в УПК РФ системных подходов к информатизации уголовно-процессуальной деятельности и созданию нормативных контуров для появления жизнеспособной конструкции электронного уголовного дела, а также спецификой самого уголовного процесса, охраняющего значимые публичные интересы, неизбежно носящего принудительный характер и ограничивающего права и свободы граждан. Вторые, так или иначе, обусловлены техническими возможностями информатизации, наличием достаточного числа специалистов, поддерживающих правоприменителей в использовании таких технологий в их правоприменительной деятельности, киберугрозами, что может вызвать утрату значимой процессуальной информации или несанкционированный доступ к ней.

В результате в современной легальной конструкции цифровизации уголовного процесса эти факторы получили фрагментарное нормативное закрепление. В частности, использование систем видео-конференц-связи, аудиопотоколирование ставятся в зависимость от наличия именно технических возможностей. А стремление законодателя снизить риски, связанные с разглашением охраняемой законом тайны, не позволяет применять современные технологии или ограничивает их применение по уголовным делам, где есть такая тайна и возникает необходимость в ее охране.

Однако наличие подобных сложностей и ограничений не может остановить обозначившуюся тенденцию к дальнейшей цифровизации уголовного судопроизводства. Закономерно встает вопрос о влиянии более активного использования органами предварительного расследования и судами современных технологий на обеспеченность прав и законных интересов участников процесса. Система процессуальных гарантий оформилась в отечественном уголовном судопроизводстве эволюционно и в значительной мере в доцифровой период развития общественных отношений. Вопрос о влиянии информатизации на эту систему остается открытым и малоисследованным. Это объясняется и относительно непродолжительным периодом технологической трансформации уголовного судопроизводства, и междисциплинарностью проблематики, и определенным консерватизмом правовой науки, и отсутствием полноценной обратной связи между учеными, законодателем и правоприменителями.

Данная статья посвящена лишь отдельным аспектам гарантирования прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства применительно к уже нормативно закрепленным информационным подходам и потенциально возможным легальным новеллам в обозримой перспективе.

Теоретические основы. Методы

Теоретическая база исследования образована научными работами отечественных и зарубежных ученых по актуальным проблемам информатизации судебной деятельности и уголовного судопроизводства, гарантированности прав и законных интересов его отдельных участников, обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Результаты исследования получены с использованием общенаучных и частнонаучных методов исследования. Анализ норм отечественного и зарубежного законодательства потребовал применения формально-юридического и сравнительно-правового методов исследования. Применение статистического метода позволило сделать ряд значимых выводов относительно использования видео-конференц-связи в уголовном процессе. В основу деятельности, связанной с изучением научных позиций, законодательных изменений, был положен метод системного анализа, позволивший определить риски информатизации уголовного процесса с позиции реализации гарантий прав его участников и наметить некоторые перспективные направления для изменения легальных подходов в системе действующего правового регулирования.

Результаты исследования

Уголовно-процессуальные гарантии прав участников уголовного процесса как особый вид правовых гарантий науке известен достаточно давно и контекстно чаще всего связан с другой устойчивой близкородственной конструкцией «обеспечение прав». Такая содержательно-терминологическая близость является вполне оправданной с точки зрения этимологии данных понятий и позволяет рассмотреть правовые средства, связанные с реализацией и защитой прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в их системной взаимосвязи. Хотя значение и содержание понятия «уголовно-процессуальные гарантии» нормативно не определены, а в науке вариативны, его использование в различных текстах обычно не вызывает затруднений у читателя, понимающего из контекста, что тот или иной автор отнес к гарантиям применительно к целям своей работы. Это справедливо по отношению как к научным текстам, так и к позициям, выраженным в решениях высших судебных инстанций. С определенной долей условности можно утверждать, что и в судебной практике понятие гарантий прав используется скорее как общеупотребительный термин, не предполагающий отдельной расшифровки в тексте судебного решения.

Отметим, что в уголовно-процессуальной доктрине присутствует известная вариативность в понимании уголовно-процессуальных гарантий, в отнесении того или иного правового средства именно к системе гарантий. Однако такая вариативность чаще всего не доходит до уровня принципиальных различий. Исследователи включают в эту систему, как правило, уголовно-процессуальную форму, принципы уголовного процесса, нормативно определенные права и обязанности субъектов, процессуальный, в первую очередь судебный контроль за их соблюдением [3, с. 33]. Как подчеркивает В. И. Качалов, особенностью гарантий является то, что они придают правам и обязанностям «реально действующий характер» [4, с. 88].

В целом можно говорить о формировании в современном уголовном процессе системы гарантий, интегрирующей правовые средства, создающие для участника уголовного процесса саму возможность реализации прав и законных интересов, а для публичных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений определяющие их процессуальные полномочия и процессуальные обязанности по созданию необходимых условий для такой правореализации и по защите и восстановлению нарушенных прав. По своей сути гарантии отражают и особенности, присущие уголовно-процессуальным правоотношениям, принципиально отличающимся от иных видов правоотношений как субъектным составом, так и содержанием.

Следует признать и тот факт, что окончательное оформление системы уголовно-процессуальных гарантий в ее современном виде происходило преимущественно до начала активного проникновения информационных технологий в уголовное судопроизводство. И эти гарантии не претерпели принципиальных изменений в последнее десятилетие, когда цифровизация в уголовном процессе стала устойчивым трендом. В связи с этим возникают закономерные вопросы: трансформируют ли информационные

технологии уголовно-процессуальные правоотношения до такой степени, чтобы возникла объективная потребность в преобразовании системы гарантий прав и законных интересов участников процесса, или универсализм сложившейся системы обеспечит ее устойчивость и в изменяющихся условиях?

Ответ на эти вопросы прямо вытекает из разрешения не менее фундаментального вопроса относительно влияния информационных технологий на саму сущность уголовного процесса. В ходе научной дискуссии, которая активно идет в течение последних лет, оформилось несколько подходов к пониманию такого влияния. В частности, А. В. Головкин полагает, что информатизация не затрагивает сущностное ядро уголовного процесса, а влияние ее ограничивается лишь организационными изменениями правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и суда [5, с. 15]. Следует отметить, что выдвигаемые ученым аргументы являются весомыми и требующими осмысления. Нельзя не согласиться с тем, что нередко в научных и законодательных подходах к обсуждаемой проблематике присутствуют поверхностность, радикальное отрицание предыдущего опыта, а идеи революционного преобразования современного уголовного судопроизводства не приводят к появлению какой-то иной, принципиально новой содержательной концепции производства по уголовному делу [6, с. 29; 7, с. 52].

Действительно изменение организации судебной деятельности с использованием современных технических достижений является одним из наиболее видимых результатов, но с оговоркой относительно того, что именно уголовное судопроизводство такая информатизация затрагивает в минимальной степени. И это связано со спецификой уголовно-процессуальной деятельности, с особенностями уголовно-процессуальных правоотношений, с дополнительной правовой охраной значимых для государства и общества публичных интересов. Такой подход является оправданным и применяется в большинстве современных государств, изначально признающих, что информатизация уголовного процесса будет идти более медленно и осторожно в сравнении с другими видами судопроизводства. Однако этот же подход наводит нас на мысль о том, что признание возможностей ограниченного применения достижений цифровизации в уголовном процессе является косвенным подтверждением на государственном уровне того факта, что их влияние не ограничивается только организационными вопросами, а несет некие риски для решения задач уголовного судопроизводства, обеспечения прав и законных интересов участников процесса.

Целый ряд исследователей достаточно активно изучает информатизацию уголовного процесса как неизбежное следствие трансформации современной преступности, а соответственно, и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и ставит вопрос о преобразовании собственно процесса доказывания в рамках производства по уголовному делу. В рамках данного направления продуктивно изучаются использование цифровых технологий для обнаружения лиц, подозреваемых в совер-

шении преступления, в предотвращении последующей противоправной деятельности, новые подходы к получению, исследованию и оценке доказательств, которые авторы именуют электронными или цифровыми [8, с. 155; 9, с. 24]. Сразу оговоримся, что вопросы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса в рамках этого исследовательского направления на первое место, как правило, не ставятся, рассматриваются контекстно и не предметно. Однако такие вопросы неизбежно возникают на практике. Можно долго спорить в рамках науки о терминологических проблемах, но исследование судом электронных или цифровых доказательств всегда сопряжено с целым рядом сложностей. Если же речь заходит об оценке таких доказательств, то здесь правоприменительная практика в целом ряде случаев носит еще более проблемный характер.

Достаточно осторожно большинство исследователей подходит к вопросу о возможности использования информационных технологий в деятельности суда, связанной с принятием решений. Уже имеется минимальный опыт применения таких систем в отдельных государствах, но юридическое сообщество промежуточные итоги подобных правовых экспериментов оценивает достаточно осторожно, подчеркивая, что на современном этапе развития общества попытки заменить полную автономию воли судьи на гибридный вариант принятия им решения на основе рекомендаций, предлагаемых некоей интеллектуальной системой, несут достаточно большие риски как для самой судебной системы, так и для участников процесса [10, с. 45; 11, с. 707].

Относительно продуктивным в плане изучения уголовно-процессуальных гарантий участников процесса является научное направление, в рамках которого исследуются дистанционные следственные и судебные действия, перспективы появления так называемого электронного уголовного дела. Здесь научная дискуссия может опираться на уже формирующуюся следственную и судебную практику, связанную с применением отдельных норм, регламентирующих, например, производство дистанционного допроса [12, с. 22].

Следует отметить и попытки ряда авторов исследовать технологическое преобразование уголовного процесса не только с чисто правовых, но, скорее, с этико-правовых позиций, когда целесообразность информатизации уголовного процесса рассматривается в контексте некоторых нравственных, этических аспектов, которые ученые связывают с правами и свободами непубличных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений [13, с. 136; 14, с. 188].

В такой весьма пестрой научно-исследовательской картине о концептуальных подходах к системе уголовно-процессуальных гарантий обычно речи не идет. Чаще всего внимание того или иного автора останавливается на каком-то одном аспекте, связанном с узким аспектом цифровизации.

Безусловно, такие исследовательские подходы оправданны и позволяют решать целый ряд задач. Но приходится признать, что при этом не формируется целостное представление о влиянии информационных технологий

(или отсутствии такого влияния) на традиционную систему гарантий прав и законных интересов участников процесса. Это как раз та ситуация, которую образно описывают фразой «за деревьями леса не видно».

Остановимся ниже на некоторых аспектах взаимодействия сложившейся системы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и нормативно закрепленных или доктринально предлагаемых технологических решений, призванных оптимизировать производство по уголовному делу. При этом необходимо понимать, что законные интересы одних участников процесса могут находиться в оппозиции законным интересам других участников в связи с тем, что они представляют разные стороны и преследуют разные цели. Обвиняемый и его защитник будут подходить к «модернизации» производства по уголовному делу с позиции лучшего или худшего обеспечения права на защиту. Потерпевший и его представитель рассматривают насыщение уголовного процесса технологическими составляющими с позиции реализации собственных прав и законных интересов, связанных с максимально возможным восстановлением их нарушенных прав, привлечением виновного к уголовной ответственности, назначением ему соразмерного содеянному наказания. Очевидно, это приводит нас к вопросу, могут ли одни и те же технологии системно обеспечить столь разнонаправленные интересы.

Следует сделать еще одну оговорку. Между правовыми средствами, традиционно включаемыми в систему процессуальных гарантий, и элементами информатизации уголовного судопроизводства возможно существование сложных двусторонних связей, поскольку речь должна идти не только о возможных изменениях таких средств под влиянием технологий, но и о том, что именно их система, обеспечивающая стабильность ядра уголовного процесса, будет корректировать рамки допустимых преобразований.

Хотя на доктринальном уровне уже привычной исследовательской операцией стало препарирование системы гарантий на отдельные элементы, полагаем, что в данном случае в этом нет большой теоретической и практической необходимости, поскольку предлагается исходить из гипотезы, что если мы признаем влияние информационных технологий на тот или иной элемент этой системы, то нам придется согласиться и с тем, что оно затрагивает и другие элементы, поскольку правовые средства, именуемые гарантиями, образуют не просто совокупность, а систему, в которой существуют именно системные внутренние связи. С такой же исследовательской позиции можно рассматривать и аргументы относительно отсутствия влияния цифровизации на важнейшие элементы уголовного процесса.

Остановимся далее лишь на некоторых вопросах, которые возникают или могут возникнуть в плане обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса в связи с обозначившимися направлениями его цифровизации.

Отечественное уголовное судопроизводство эволюционно базируется на определенной универсальной уголовно-процессуальной форме, которая рассматривается как важнейший элемент в системе гарантий. Возможно-

сти дифференциации, ведущие к ее усложнению или упрощению, изначально ограничены и связаны, как правило, с достижением конкретных значимых задач: с наилучшим обеспечением прав отдельных участников процесса, процессуальной экономией, вовлечением представителей народа в отправлении правосудия и т. д. Как отмечают исследователи, именно уголовно-процессуальная форма выходит на первый план, поскольку она задает некий алгоритм не просто осуществления процессуальных действий, но именно правообеспечительной деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства [15, с. 73].

В рамках определенной процессуальной формы субъектами реализуются процессуальные права и обязанности, осуществляется в том или ином виде контроль за такой реализацией. Производство по уголовному делу дистанционных процессуальных действий, их видео- и аудиофиксация, элементы электронного документооборота в теории не должны приводить к трансформации самой основы уголовного судопроизводства – его процессуальной формы. Однако на законодательном уровне, как пишет С. Б. Россинский, применяется иной подход, когда идет проникновение «...правил делопроизводства в законодательную материю», а уголовно-процессуальный закон содержит «положения сугубо технического и технологического характера» [16, с. 123].

Очевидно, что перед тем, как обсуждать возможность полного перехода на форму электронного уголовного дела, важно обозначить отправные точки такого перехода, которые будут касаться: 1) сохранения или изменения существующего фундамента уголовно-процессуальной формы; 2) освоения закона от избыточной детализации, не влияющей на права и законные интересы участников процесса; 3) возможностей дифференциации уголовно-процессуальной формы, продиктованной объективными потребностями обеспечения прав и законных интересов участников процесса при использовании информационных технологий; 4) синхронизации процессуальной формы с иными элементами системы уголовно-процессуальных гарантий.

В настоящее время научная дискуссия преимущественно концентрируется именно на технологических элементах преобразования уголовно-процессуальной формы, в то время как сама способность такой конструкции более эффективно обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства остается за скобками. И действительно, такой подход преобладает и на нормотворческом уровне. В результате в УПК РФ появляются объемные статьи, которые, например, регламентируют элементы дистанционного производства по уголовному делу. Но при этом остается целый ряд вопросов, которые выпали из поля зрения законодателя, являясь при этом сущностными, требующими ответа для обеспечения именно прав и законных интересов участников процесса. Особенности юридической техники действующего уголовно-процессуального законодательства таковы, что правоприменитель при наличии тех самых объемных статей испытывает затруднения в решении действительно важных вопросов относительно: конфликта отдель-

ных специальных норм, допустимости применения различных технологий с целью обеспечения прав участников процесса, ограничения одних законных интересов с целью защиты иных, признаваемых более значимыми в конкретной ситуации, учета личностных особенностей субъектов уголовно-процессуальных отношений при использовании таких технологий и т. д. При этом ряд вопросов не требует разрешения именно на уровне уголовно-процессуального закона, а мог бы быть обеспечен подзаконным регулированием, допускающим какую-то правоприменительную вариативность.

Например, традиционно принципы уголовного судопроизводства рассматриваются как еще один элемент системы гарантий – элемент, неразрывно связанный как с процессуальной формой, так и с правами участников процесса и деятельностью властных субъектов по их обеспечению. Отметим, что в уголовно-процессуальной доктрине вопрос принципов является тоже дискуссионным. Одни авторы подходят к пониманию принципов более широко, чем предлагается законодателем на нормативном уровне, на котором легализована конструкция дифференциации базовых для уголовного процесса норм с выделением в отдельной главе именно норм-принципов, действующих во всех стадиях и базирующихся на конституционных подходах к судопроизводству, и неких норм-условий, которые по своей сути являются принципами для того или иного этапа производства по уголовному делу [17, с. 34].

У данной точки зрения есть и оппоненты, которые предлагают избегать произвольности в вопросе признания «...того или иного положения в качестве принципа уголовно-процессуальной деятельности» [18, с. 567]. Ряд исследователей выделяют особые черты, отличающие условия от иных уголовно-процессуальных норм [19, с. 204].

Поскольку этот вопрос для нас важен именно с позиции правоприменения, опустим эту полемику, отметив лишь применительно к предмету нашей статьи следующее. Независимо от того, как в доктрине и законе мы будем именовать те или иные базовые нормы, важно то, как проникновение тех самых информационных технологий трансформирует систему обеспечения прав и законных интересов участников процесса, обеспечиваемую действием того или иного принципа или условия. И здесь сразу же возникает вопрос относительно того, *что* мы закрепляем на законодательном уровне, а *что* разрешаем на уровне подзаконном, чтобы обеспечить и устойчивость конструкции уголовного судопроизводства, и решение конкретных правоприменительных задач.

В частности, в ст. 18 УПК РФ уже закреплён принцип, из которого вытекает право участников процесса, не владеющих или владеющих на недостаточном уровне языком уголовного судопроизводства, на привлечение переводчика. В настоящее время переводчик определяется как человек, лицо, привлекаемое для перевода. Однако реалии современной жизни таковы, что человечество все чаще прибегает к машинному переводу. И в правоприменительной практике также фиксируются такие попытки перевода, которые в настоящее время находятся вне правового поля, но нередко продик-

тованы вынужденной необходимостью, экстренностью ситуации. Можно предположить, что в обозримом будущем такой машинный перевод будет легализован в нормах уголовно-процессуального закона, что потребует корректировки определенных норм. В аспекте внесения таких изменений важно отделить технологические вопросы от вопросов сугубо фундаментальных, связанных с действием принципа языка уголовного судопроизводства, с правами участников процесса, с возможной трансформацией процессуальной фигуры переводчика и т. д., разрешив их на подзаконном уровне.

Применительно к условиям судебного разбирательства целесообразно было бы определиться с позицией относительно непосредственности судебного следствия и допустимости, например, ситуации, когда и в досудебном производстве, и в суде допрос свидетеля произведен только дистанционным образом. Исследователи указывают и на ряд рисков дистанционного участия обвиняемого подсудимого в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи, связанных как с обеспечением права на защиту, так и с реализацией целей доказывания [20, с. 250].

Гласность и открытость судебного разбирательства как условия, вытекающие из конституционного принципа, могут быть ограничены в целях охраны иных законных интересов. При этом трансформируется право на защиту, элементом обеспечения которого уже стало аудиопроотоколирование судебного заседания. Конструкция такого ограничения вызывает вопросы в теории уголовного процесса [21, с. 170] и критику со стороны правоприменителей, справедливо указывающих на то, что предлагаемый перечень исключений не охватывает всего многообразия ситуаций, что наблюдается несоответствие не только одних уголовно-процессуальных норм другим, но и норм материального и процессуального права. Представляется, что к такой ситуации привел именно технологический подход в конструировании законодателем отдельных статей УПК РФ.

Нет четкого концептуального понимания и относительно действия принципа свободы оценки доказательств в суде с участием присяжных заседателей, когда присяжные должны оценивать достоверность показаний анонимного свидетеля, искаженный голос которого транслируется им из другого помещения с помощью технических средств связи.

Обсуждение перспектив более активного использования в уголовном процессе информационных технологий не затрагивает чаще всего и вопросы допустимости их использования в производстве по уголовному делу с участием субъектов, имеющих значимые в плане реализации процессуальных прав особенности (возраст, состояние физического и психического здоровья). Отсутствие именно концептуальных подходов по данному вопросу в сочетании с особенностями законодательной техники приводит к ситуациям, когда возникает риск нарушения прав таких участников или их необоснованного ограничения.

Параллельно насыщению уголовного процесса технологиями исследователи поднимают вопрос о необходимости наделения отдельных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений не только процессуальными, но и

цифровыми правами [22, с. 110]. Данная область является малоисследованной, хотя, безусловно, заслуживает внимания применительно к пониманию процессуального положения и следователя, и суда, и невластных участников процесса. Но решение этих вопросов будет сложным даже на теоретическом уровне, поскольку потребует гибких междисциплинарных подходов.

Обсуждение и заключение

Консервативность любой правовой системы является данностью, обеспечивающей ее стабильность. Однако изменение общественных отношений под влиянием процессов информатизации неизбежно затрагивает и устоявшиеся институты, к которым относится и уголовное судопроизводство.

Разработка таких теоретических подходов, которые позволят сохранить содержательное ядро уголовного процесса, но при этом адаптировать уголовно-процессуальную деятельность под требования «цифровой реальности», пока не отличается продуктивностью. Большинство выполняемых работ являются практико-ориентированными, т. е. представляют собой попытки предложить алгоритм решения той или иной проблемы (с изменением законодательства или в рамках действующих норм). Однако ограниченность такого способа преобразования правовой жизни проявилась со всей очевидностью уже на протяжении всего периода действия современного уголовно-процессуального закона, в который постоянно вносятся изменения и дополнения именно по этому принципу. Следствием законодательных «латок» нередко является именно необеспеченность прав и законных интересов участников процесса.

Представляется, что пришло время в рамках уголовно-процессуальной науки сместить исследовательские акценты с тех технологических вопросов, которые на данном этапе не являются приоритетными, и перейти к обсуждению того, как уголовному судопроизводству сохраниться в условиях цифровой трансформации, не утратив все то, что отвечает его назначению, гарантировать права участников процесса и при этом обеспечить отклик уголовно-процессуальной деятельности на вызовы все нарастающей цифровизации. Только имея такое видение и понимание правового положения участников уголовного судопроизводства, можно переходить к обсуждению каких-то конкретных решений, касающихся применения той или иной технологии в досудебном и судебном производствах по уголовному делу.

Список источников:

1. Качалова О. В. Правосудие как услуга: мировой тренд // Уголовный процесс. 2019. № 11. С. 10.
2. Андреева О. И., Качалова О. В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 5–15. DOI: 10.17223/22253513/36/1.

3. Францифорова С. Ю. Процессуальные гарантии в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2008. № 4. С. 33–37.
4. Качалов В. И. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 86–93. DOI: 10.1738/issn2072-909X.2019.9.86-93.
5. Головкин А. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002.
6. Головкин А. В. М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 29–36.
7. Головкин А. В. Изменение подходов к применению видеоконференц-связи в уголовном процессе Франции: от санитарно-технологического к ценностно-процессуальному дискурсу // Законность. 2022. № 6. С. 52–54.
8. Пастухов П. С. Оптимизация предварительного расследования с использованием электронной информации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 154–158. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-2-154-158.
9. Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24–31. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-2-24-31.
10. Сунь Ю. Исторический опыт и перспективы создания «умных судов» в КНР: проблемы применения технологии искусственного интеллекта // История государства и права. 2023. № 5. С. 44–47. DOI: 10.18572/1812-3805-2023-5-44-47.
11. Чистилина Д. О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 705–710. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-705-710.
12. Тютерева Ю. С. Способен ли дистанционный порядок производства по уголовному делу обеспечить процессуальные гарантии его участников? // Российский следователь. 2022. № 7. С. 22–25. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-22-25.
13. Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1. С. 136–149. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149.
14. Чистилина Д. О. Нравственные и правовые аспекты цифровой трансформации уголовного процесса в России и зарубежных странах // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 186–198. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-186-198.

15. Чистилина Д. О. Перспективы развития российской уголовно-процессуальной формы // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 2. С. 72–78. DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-72-78.
16. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 1. С. 116–135. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy.
17. Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 34–36.
18. Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.
19. Лантух Н. В. Законодательная регламентация общих условий отдельных стадий уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3. С. 202–218. DOI: 10.55001/2587-9820.2022.26.98.020.
20. Трубникова Т. В., Грищенко А. В. Баланс публичных и частных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 236–253. DOI: 10.17223/15617793/497/25.
21. Вилкова Т. Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы. М. : Юрайт, 2024. 286 с.
22. Першин А. Н. Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 108–115. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.108-115.

References

1. Kachalova, O. V. Justice as a service: a global trend. *Ugolovnyj protsess = [Criminal Procedure]*. 2019;(11):10. (In Russ.)
2. Andreeva, O. I., Kachalova, O. V. Russian criminal trial in the era of coronavirus: challenges of time. *Tomsk State University Journal of Law*. 2020;(36):5-15. (In Russ.) DOI: 10.17223/22253513/36/1.
3. Franciforova, S. Yu. [Procedural guarantees in criminal proceedings]. *Sledovatel' = [Investigator]*. 2008;(4):33-37. (In Russ.)
4. Kachalov, V. I. On procedural guarantees of the rights of the criminal proceedings. *Rossiiskoe pravosudie = [Russian Justice]*. 2019;(9):86-93. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.9.86-93.

5. Golovko, L. V. The digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution? *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* = [Bulletin of Economic Security]. 2019;(1):15-25. (In Russ.) DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002.
6. Golovko, L. V. [M. S. Strogovitch and the “artificial intelligence”: about the contemporary reincarnation of the old theories and their ethical nullity]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj protsess* = [Judicial Power and Criminal Procedure]. 2021;(3):29-36. (In Russ.).
7. Golovko, L. V. Changing approaches to the use of video conference in the criminal proceedings in France: from the sanitary and technological to the axiological and procedural discourse. *Zakonnost'* = [Legality]. 2022;(6):52-54. (In Russ.).
8. Pastukhov, P. S. Optimization of preliminary investigation using electronic information. *Bulletin of Economic Security*. 2023;(2):154-158. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-39952023-2-154-158.
9. Smirnov, A. V. Electronic evidence, electronic proving, artificial intelligence: what next? *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* = [Criminal Proceedings]. 2024;(1):24-31. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4411-2024-2-24-31.
10. Sun, Y. History and prospects of creation of “smart courts” in the PRC: problems of application of the artificial intelligence technology. *Istoriya gosudarstva i prava* = [History of State and Law]. 2023;(5):44-47. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3805-2023-5-44-47.
11. Chistilina, D. O. Using the capabilities of artificial intellect in criminal proceedings. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*. 2021;31(4):705-710. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9593-20.
12. Tyutereva, Yu. S. Can the remote criminal procedure provide for procedural guarantees for its participants. *Russian Investigator*. 2022;(7):22-25. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-22-25.
13. Mironova, E. Yu. Moral principles of the criminal procedure in the context of digitalization: fundamental inviolability or inevitable transformation. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;(1):136-149. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149.
14. Chistilina, D. O. Moral and legal aspects of the digital transformation of criminal proceedings in Russia and foreign countries. *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*. 2023;(6):186-198. (In Russ.) DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-186-198.
15. Chistilina, D. O. Prospects for the development of Russian criminal procedure form. *Juridical Journal of Samara University*. 2024;10(2):72-78. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-72-78.
16. Rossinskiy, S. B. The criminal procedure form vs rules of criminal judicial procedure. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2023;18(1):116-135. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskij.

17. Vilkova, T. Yu. Principles of criminal procedure and the general conditions of the trial, characterizing the activities of the court. *Rossiyskaya yustitsiya* = [Russian Justice]. 2017;(1):34-36. (In Russ.)
18. Manova, N. S., Baranova, M. A. Principles of criminal proceedings as implementation of moral foundations of criminal procedural activities. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;(45):564-593. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.
19. Lantukh, N. V. Legislative regulation of general conditions for certain of criminal proceedings stages. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2022;(3):202-218. (In Russ.) DOI: 10.55001/2587-9820.2022.26.98.020.
20. Trubnikova, T. V., Grischenko, A. V. Balance of public and private interests when using videoconferencing in the criminal procedure. *Tomsk State University Journal*. 2023;(497):236-253. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/497/25.
21. Vilkova, T. Yu. [The principle of publicity of criminal proceeding: history, modernity, prospects]. Moscow: Yurajt; 2024. 286 p. (In Russ.)
22. Pershin, A. N. Digital rights persons carrying out a preliminary investigation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(2):108-115. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.108-115.

Информация об авторе / Information about the author

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena V. Markovicheva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 24.06.2025.
The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 24.06.2025.